

А. М. Сточик, М. А. Пальцев, С. Н. Затравкин, А. А. Сточик

ИЗ ИСТОРИИ ПАТОЛОГИИ XIX ВЕКА. ПАТОЛОГИЧЕСКАЯ АНАТОМИЯ И ПАТОЛОГИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НИИ истории медицины РАМН, 119881. Москва, ул. Трубецкая, 8

Сточик Андрей Михайлович — доктор медицинских наук, профессор, академик РАМН, зав. кафедрой;
Пальцев Михаил Александрович — доктор медицинских наук, профессор, академик РАН и РАМН, зав. кафедрой;
Затравкин Сергей Наркисович — доктор медицинских наук, профессор, зав. отделом истории медицины;
Сточик Анна Андреевна — кандидат медицинских наук, ведущий научный сотрудник

Резюме. Статья посвящена анализу господствовавших в патологии первой половины XIX века коллективных представлений о болезни как чужеродном организму человека явлении (зачастую олицетворявшееся живым существом), возникающем и развивающемся по своим собственным законам, отличным от законов жизнедеятельности организма человека; причинах и сущности болезней, методах их изучения. Показано место патологической анатомии в структуре медицинских знаний того времени и ее роль в изучении болезней.

Ключевые слова: болезнь, онтологическая медицина, симптомология, дедуктивный метод познания.

Summary. The paper analyzes the first half of the 19th century collective notions on disease as the event that is alien to the human body (which is embodied as a living being), which occurs and develops in accordance with its own laws differing from the laws of human vital functions; on the causes and essence of diseases and the methods of their study. It also shows a place of human pathology in the structure of medical knowledge of that time and its role in the investigation of diseases.

Key words: disease, ontological medicine, symptomatology, deductive method for cognition.

Возникновение патологической анатомии, которое справедливо связывают с выходом в свет в 1761 г. труда падуанского профессора Джованни Баттисты Морганьи "De sedibus et causis morborum...", и первые попытки применения анатомического метода для изучения болезней нанесли существенный удар по патологии XVIII столетия. Представленные Дж. Б. Морганьи доказательства первичности морфологических повреждений по отношению к наблюдаемым клиническим симптомам вынудили патологов поставить под сомнение обоснованность прежнего исключительно симптоматологического подхода к выделению нозологических форм. Дж. Б. Морганьи на значительном клинко-анатомическом материале показал, что клинические симптомы являются знаками не болезней, а вызываемых этими болезнями морфологических изменений и что болезни таким образом следует "выводить" не из частоты совместной встречаемости симптомов, как это делалось прежде, а на основании данных, раскрывающих их происхождение — данных о локализации и характере "органических повреждений" [11].

Следуя предложенному Дж. Б. Морганьи новому методологическому подходу, многие патологи (Льето, Фойгтель, Людвиг, Конради, Пинель) уже в конце XVIII — начале XIX века предприняли попытки ревизии существовавших нозографий. Стали появляться клинко-анатомические исследования патологии отдельных органов. Сенак и Меккель описали ряд заболеваний сердца, Блюланд — глотки и пищевода, Бемер — женских половых органов и др. "Чем более делали трупоразъятий, — отмечал профессор Вюрцбургского университета А. Ферстер, — чем глубже проникали взглядом во внутренность тела, тем сильнее обличал опыт, что вымышленные симптоматиками названия болезней часто вовсе не подходят к изменениям, найденным в трупе: так находили одинаковые анатомические изменения при разнообразных группах симптомов и, наоборот, при различных анатомиче-

ских изменениях те же самые группы симптомов" [13, с. 9].

В начале XIX столетия наибольших успехов на этом пути достигли французские врачи и естествоиспытатели, которые не только широко внедрились анатомический метод в практику изучения болезней, но и существенно расширили его возможности и границы применения. Во-первых, ими были установлены и подробно описаны основные смертные изменения, происходящие в трупе, благодаря чему удалось исправить многие ошибки в описании патоморфологической картины большинства известных заболеваний. Во-вторых, на основании материалов многочисленных вскрытий были разделены понятия "смерть" и "болезнь", которые ранее рассматривались как последовательные этапы единого процесса. Было обращено внимание на то, что смерть может наступить не только в результате развития болезни, но и от случайных, не связанных с болезнью причин, например от передозировки лекарств, и в этом случае обнаруживаемая на вскрытии картина морфологических повреждений отражает не терминальную стадию болезни, а какой-либо из предшествующих ей этапов, причем как прогрессивного, так и регрессивного развития патологического процесса. Это открытие позволило, что называется, "оживить" труп, опровергнуть утверждение о том, что с помощью патологической анатомии возможно лишь изучение морфологической картины смерти. В-третьих, благодаря работам М. Биша, осуществившего перенос рассмотрения проблем клинко-анатомических корреляций с органного на тканевый уровень, возрожденной Ж. Корвизаром перкуссии и изобретенной Р. Лаэннеком аускультации удалось добиться существенного прогресса в разработке проблем клинко-анатомических корреляций [11].

Прямым следствием этих выдающихся научных достижений стали классические исследования Р. Лаэннека в области изучения эмфиземы легких, бронхоэктазов, плевритов, туберкулеза легких, цирроза печени, а также ранние работы Ф. Бруссе,

замахнувшегося на святая святых патологии XVIII века — учение о лихорадках. В 1816 г. на основании методически безупречных клинико-морфологических исследований он доказал, что лихорадки, традиционно считавшиеся общими динамическими болезнями, не являются самостоятельными заболеваниями, и подтвердил предположения Г. Бургава и Г. Шталя о том, что они представляют собой лишь ответную реакцию организма на воспалительный процесс в тех или иных тканях, причем особенности и различия лихорадочных реакций целиком и полностью зависят от того, какие именно ткани вовлечены в воспалительный процесс.

"Медицинской революцией", "самым значительным из того, что медицина испытала в новое время", назвал эти работы Ф. Бруссе знаменитый французский клиницист Ж. Б. Буйо [14, р. 14]. И это была действительно почти революция. Казалось вот-вот, и здание прежней патологии рухнет окончательно, однако вопреки существующей традиции рассматривать историю медицины XVIII—XX века как непрерывный процесс поступательного развития оно устояло.

Анализ учебников и руководств как по общей патологии, так и по частной патологии и практической медицине первой половины XIX века показывает, что достижения патологической анатомии и результаты применения анатомического метода изучения заболеваний не заставили врачей и патологов отказаться ни от прежних взглядов на болезнь, ни от сложившихся подходов к их выделению.

Так, например, учебники А. Ф. Геккера "Патология или наука о болезненном состоянии тела человеческого" (1811), И. Франка "Основание патологии по законам теории возбуждения" (1812), Г. В. Консбруха "Начальные основания патологии" (1817) и Ф. К. Гартмана "Общая патология" (1825) показывают, что общая патология сохранила неизменной и свою структуру, включавшую три основных раздела — этиология, симптоматология, нозология, и их содержание [12], причем особенно показательным является факт сохранения в структуре общей патологии такого раздела, как симптоматология. Если руководствоваться логикой современного врача, то признание патологами того факта, что знаками болезней являются не симптомы, а обнаруживаемые на вскрытии морфологические повреждения, должно было неминуемо привести к вытеснению из общей патологии этого раздела и замене его патологической анатомией. Но на деле этого не произошло. "Некоторые хотели, — прямо указывал Г. В. Консбрух, — причислить к Патологии Анатомию Патологическую, которая чрез трупоразъятия открывает знаки измененных или разрушенных органов" [5, с. 4—5]. Однако, продолжал далее автор: "Патологическая Анатомия часто доставляет такие результаты, которые вовсе ни в какой или по крайней мере в сомнительной связи находились с примеченной болезнью: а посему и не имеют они большой цены для Патологии или еще в заблуждение вводят!" [5, с. 12].

К этой цитате мы еще вернемся, а пока обратимся к учебникам по частной патологии и практической медицине. Если в качестве примера взять такие известные и широко распространенные в Европе издания, как "Enchiridion medicum, или Руководство к практической медицине" К. В. Гуфелан-

да (1840), "Частная патология и частная терапия" К. Г. Неймана (1846—1848), "Traite elementaire et pratique de Pathologie interne" А. Гризолья (1848), то в них мы обнаружим и обилие традиционных симптомов и симптомокомплексов, выделенных в самостоятельные нозологические формы, и классификации этих болезней, построенные вне какой-либо связи с достижениями патологической анатомии и анатомического метода, а главное, множество так называемых общих динамических болезней, т. е. таких болезней, которые затрагивают весь организм целиком и не имеют определенной локализации.

Так, в учебнике К. В. Гуфеланда все многообразие заболеваний разделено на 14 классов: лихорадки, воспаления и приливы крови, ревматизм, катар, желудочные болезни, нервные болезни, изнурительные болезни, водянки, кровотечения, бескровные истечения, задержание, кожные сыпи, худосочия, органические болезни. Уже сами названия классов, отражающие не локализацию болезненного процесса, а особенности наблюдаемой у постелей больных симптоматики, свидетельствуют о том, что данные патологической анатомии не были положены в основу их разделения. И такие, на первый взгляд, "морфологические" классы, как желудочные и нервные болезни, а также класс органических болезней не должны вводить в заблуждение. К нервным болезням у К. В. Гуфеланда относились одышка, сердцебиение, кашель, икота, зубная боль, боль уха, головокружение и т. п., к желудочным — нечистоты, желчь, ослизнение, окисление, завалы. К органическим же болезням К. В. Гуфеланд отнес только три нозологические формы: глисты, мочевые и желчные камни.

Близкие по принципу построения классификации и похожие нозологические формы содержат и другие из названных выше учебников. При этом особо отметим, что ни один из авторов не относился к числу противников патологической анатомии. Более того, в их работах представлен значительный объем патолого-анатомического материала, приводятся и анализируются клинико-анатомические параллели, однако всем этим данным отводится лишь вспомогательная роль. "Все хронические болезни... стремятся изменить форму и состав какой-нибудь органической части; это их сущность", — указывал, например, К. Г. Нейман и тут же обязательно добавлял: "Но динамическими первоначально бывают все, так точно как все делаются потом органическими... Каждая органическая болезнь бывает первоначально динамической, и каждая динамическая в сфере формационной необходимо проявляется органической и именно изменяющею нормальное образование" [7, ч. 2, с. 6; ч. 1, с. 8].

Спустя более четверти века после работ Ф. Бруссе К. Г. Нейман не только продолжал называть лихорадки самостоятельными болезнями, но и отнес к этому классу болезней практически все известные на тот момент заболевания, сопровождающиеся лихорадочными реакциями, считая именно лихорадку главным критерием для формирования соответствующего раздела своей классификации. В частности, раздел лихорадочных болезней его учебника включал 5 отделений: 1) перемежающаяся лихорадка; 2) лихорадки с измененным отделением (катаральная и гастрическая лихорадки, рев-

матизм, острая головная водянка); 3) лихорадки с местным воспалением (рожа, воспаление груди, жаба, воспаление пищеварительного канала, желудок, тонких и толстых кишок, натужный понос, холера, желтая горячка, воспаление печени, почек, мочевого пузыря, матки, ознобление); 4) лихорадки с порождением инородного (пятенная горячка, оспа, скарлатина, корь, краснуха, судорожный кашель, просянка, карбункул, водобоязнь, чума); 5) гектические лихорадки (чахотка). При этом К. Г. Нейман особо подчеркивал, что все без исключения лихорадки (и даже "лихорадки с местным воспалением") являются не местными, а общими динамическими заболеваниями. "О важнейших болезнях легких: о воспалении и чахотке их мы говорили уже; да они и не местные страдания, а общие, с местными припадками, которыми должны сопровождаться все болезни, — писал К. Г. Нейман. — ...Ближайшая причина каждой лихорадки находится в сосудистой системе, ... лихорадка ничто иное, как общая болезнь кровеносной системы" [7, ч. 1, с. 14—15; ч. 3, с. 94].

Основной причиной такого, на первый взгляд парадоксального положения вещей, при котором, с одной стороны, большинством врачей признавалось, что знаками болезней являются морфологические повреждения, а с другой — продолжал господствовать прежний симптоматологический подход к их выделению, служили существовавшие в XVIII — первой половине XIX века представления о болезни, ее сущности и причинах возникновения.

Эти представления начали складываться еще во времена создания первых медицинских школ Древней Греции и на протяжении веков не претерпели сколько-нибудь существенных изменений. В сознании врачей вплоть до середины XIX столетия болезнь представлялась противоположным здоровью и чужеродным организму человека явлением (зачастую олицетворявшимся живым существом), возникающим и развивающимся по своим собственным законам, отличным от законов жизнедеятельности организма человека. "В наблюдениях и размышлениях своих над больными врач ... подмечает у постели больного исключительно только необыкновенные явления, ставит их как нечто в себе законченное, самостоятельное, в противоположность здоровому телу, рассматривает их как нечто чуждое, враждебное жизни и здоровью, и соединение таких явлений называет болезнью, — отмечал А. Ферстер, характеризуя внутреннюю логику возникновения таких представлений. При таком... взгляде, привыкнув видеть Здоровье и Болезнь как две строго противоположные вещи, начинает он совершенно невольно оба этих понятия олицетворять, и здоровью как существу, которого признаки заключаются в обыкновенных отправлениях тела, противопоставлять болезнь как существо враждебное, признаки которого состоят в явлениях необыкновенных" [13, с. 6].

До возникновения патологической анатомии "необыкновенными явлениями" были лишь клинические симптомы ("припадки"), на основании которых болезни описывались и выделялись в самостоятельные нозологические формы. После работ Дж. Б. Морганьи и французских естествоиспытателей первой четверти XIX столетия, убедивших врачебный мир в том, что клинические симптомы вто-

ричны по отношению к морфологическим изменениям в органах и тканях, перечень "необыкновенных явлений", характеризовавших болезни, существенно расширился. Но не более того. Главное осталось неизменным — болезнь в сознании врачей, как и во времена Галена и Ибн Сины, осталась противоположной здоровью сущностью, неким враждебным жизни и здоровью существом, которое "стало характеризовать себя" не только клиническими симптомами, но и "рядом анатомических изменений" [13, с. 9].

"Обыкновенно живет в теле здоровье, — продолжал А. Ферстер, — но иногда приходит болезнь и "схватывает" его; проникнув в тело, образует она себе "седалище" где-нибудь, например в мозгу, в кишках и т. д., распространяется далее и поражает органы один за другим. Случается также, что и две болезни разом входят в тело и начинают борьбу; одна другую пересиливает или они мирятся собою или даже порождают третью. Против этого прищельца организм выставляет целебную силу природы, которая, как олицетворенная совесть, всегда скрыта в человеке, выжидая только удобного времени, чтобы начать действовать; явления борьбы обнаруживают то перевес болезни, то целебной силы природы. Торжество последней есть выздоровление и состоит в удалении болезни из тела; смерть есть торжество болезни, которая и сама, конечно, погибает вместе с убитым ею телом. Такая, сама по себе невинная, простодушная система с ее богатым и милым иносказательным языком пустила глубокие корни в сердцах и врачей, и народа; в ней думали найти непреложные истины, и она-то положила основание той, пережившей века, в высшей степени губительной системе" [13, с. 6—7].

Мы привели столь обширную выдержку из книги А. Ферстера потому, что она не только чрезвычайно точно и емко показывает особенности существовавших представлений, но и представляет собой квинтэссенцию содержания как упоминавшихся выше, так и других учебников и руководств по общей и частной патологии, датированных ранее второй половины XIX века.

Итак, болезнь олицетворялась враждебным жизни и здоровью живым существом, что собственно и дало возможность многим врачам второй половины XIX века называть медицину предшествующего периода онтологической (от латинского "онтос" — живое существо), причем А. Ферстер подобрал очень точное слово: болезнь именно олицетворялась живым существом. Никто из врачей и патологов, безусловно, не считало болезнь червем, растением и иным собственно живым существом из плоти и крови. Однако сам по себе факт такого олицетворения имел далеко идущие последствия, которые в совокупности и составили упомянутую А. Ферстером "пережившую века, в высшей степени губительную систему".

Одно из последствий состояло в том, что болезнь в сознании врачей воспринималась как нечто "цельное", "самостоятельное", "живущее" и "действующее" в организме человека по своим собственным законам. "...Болезнь имеет своим автократию, свою автономию..., — указывал, в частности, профессор Московского университета Г. И. Сокольский, — составляет из себя особую форму жизни, в которой усматриваются все знаки органического бытия: она имеет свое начало, развитие, окончание

и прививается к организму, как паразит к растению, с ним живет, с ним и умирает" [10, с. 3]. Особо подчеркнем, что такие "знаки органического бытия" болезни, как "начало, развитие, окончание", не составляли патогенеза заболевания. До 10-х годов XIX века такого термина, как "патогенез", не существовало вовсе, а когда он появился, то имел существенно отличающееся от современного значение и относился к описанию иных процессов¹. "Начало, развитие, окончание" болезни, разнообразные "переломы" в ее течении и другие признаки ее "жизнедеятельности" воспринимались врачами как изначально присущая болезни данность, предсуществующая в ней программа, ее сущность, которая реализовывалась после того, как болезнь "рождалась" в организме или "проникала" в него.

Из этого вытекало второе важнейшее последствие "олицетворения": поиски ответов на вопросы о сущности болезни, о том, что собой представляет это враждебное существо, были сначала перенесены в плоскость изучения причин возникновения болезней, а затем произошло фактическое отождествление понятий сущности болезни и ее причин. Так, например, профессор Московского университета Г. И. Сокольский прямо указывал, что сущность болезни — это ее ближайшая причина [10, с. 5].

Правда, ряд врачей, которых коллеги уничижительно называли эмпириками, считали поиск ответа на вопрос о сущности болезни ненужным. Если на основании внешних проявлений можно поставить диагноз и назначить лечение, то для чего тогда тратить силы на изучение сущности болезни. Другие исследователи полагали изучение этого вопроса попросту невозможным, причем не только в XV или XVI веках, но и в первой половине XIX века. Так, например, полагал И. Франк, также считал и упоминавшийся выше Г. И. Сокольский. "...В чем состоит сущность — ближайшая причина болезни? — вопрошал он. — Постигание этого для человека невозможно. Мы можем только видеть припадки или внешнюю сторону болезни, но внутренние причины ее, как и причины всех естественных явлений, скрыты от нас и почивают в божеском сознании" [10, с. 5]. К слову сказать, такой подход не мешал ему, изучая лишь "внешние проявления болезни", одновременно и независимо от Ж. Б. Буйо описать клапанный порок сердца при ревматизме.

Но большинство врачей и патологов все же пытались "постичь тайну существа" болезни, результатом чего явилось постепенное формирование учения о причинах болезней, составившего содержание особого и весьма обширного раздела общей патологии, получившего название "Этиология". Согласно этому учению, основы которого начали закладываться еще Гиппократом, Галеном и Ибн Синоу, причины болезней разделялись на внешние (случайные, отдаленные) и внутренние — предрасполагающие (предшествующие) и ближайшие (связующие).

В отношении перечня внешних и предрасполагающих причин мнения авторов учебников и руководств по патологии были в целом сходны. К внешним причинам относили факторы внешней среды обитания человека (температура воздуха, инсоля-

ция, влажность, "непогода" и т. п.), "механически действующие вредности", пищу, питье, яды, "заразы" ("миазмы" и "контагии") и др.

Что же касается предрасполагающих причин болезней, то их перечень включал в себя разнообразные "предрасположенности, зависящие от..."возраста, пола, телосложения, темперамента (холерик, меланхолик, флегматик), "наследственных и врожденных факторов", образа жизни человека, его привычек, режима труда и отдыха, рациона, соблюдения гигиенических правил и др.

Согласно представлениям врачей XVIII — первой половины XIX века, для возникновения болезни требовалось совместное влияние внешней (случайной) и предрасполагающей причин. "Всякое в теле имеющееся расположение, по которому оно, если случай к тому сделается, занемочь может, предрасполагающей причиной называется, а случайная причина есть та, которая, присоединяясь к предрасполагающей, оную возбуждает, дабы соединенными силами причинять болезнь, — указывал один из основоположников патологии как самостоятельной научной дисциплины И. Д. Гауб. — Из сих причин одна, сама собою, не в состоянии причинять болезнь, а надобно, чтобы они обе вместе были. Когда предрасполагающей причины нет, тогда случайная не вредит, и, напротив того, тот, который, имея предрасположение к болезни, случайных оной причин избегает, болезни причастным не делается" [3, с. 22].

Согласно представлениям врачей и патологов того времени, совместное воздействие на организм человека внешней и предрасполагающей причин было необходимым, но не достаточным условием "зарождения" болезни. "Расположение и случайная причина сами по себе не могут произвести болезни, но только посредственно способствуют к произрождению оной...", — указывал, в частности, Г. В. Консбрух [5, с. 39]. Совместное действие случайной и предрасполагающей причин порождало не саму болезнь, а ее ближайшую причину. "Ближайшая причина есть та перемена в здоровом теле, через отдаленные причины учинившаяся, — писал профессор Лейпцигского университета Х. Г. Людвиг, — которая в дальнейшем своем открытии есть действительнее прочих к приведению расположения, от которого наконец действия нарушаются" [6, с. 69]. Особо подчеркнем, что между ближайшей причиной болезни и болезнью не было посредника в виде патогенетического механизма. "Между связующими (ближайшими. — Авт.) причинами и состоянием (болезнь. — Авт.) совершенно не бывает посредствующего звена", — прямо указывал еще Ибн Сина [4, с. 153]. "Ближайшая причина есть условие, происходящее из соединения всех отдаленных причин, от которых сама болезнь зависит. На ней так, как на фундаменте, основывается все здание ... болезни, и так с самою болезнью тесно соединена, что одну без другой вообразить невозможно. Посему-то очень часто понятие ближайшей причины с самою болезнью смешивают и за одно принимают" [5, с. 39].

По своей сути ближайшая причина болезни, за исключением очевидных случаев совпадения ее с внешней причиной (ножевое ранение сердца, травматический перелом бедренной кости и т. п.), представляла собой продукт умозрительного теоретизирования — результат применения так называемого

¹В учебнике И. Франка термин "патогения" синонимичен термину "этиология".

мого дедуктивного способа познания. Использование в медицине дедукции, т. е. формы умозаключения от общего к частному, характеризовавшегося тем, что новое знание о предмете исследования выводилось на основании общих теоретических положений, принимавшихся за истинные, составляло еще одну из важнейших особенностей онтологической медицины.

И сам метод дедукции, и многие теоретические положения первоначально были заимствованы из философии. К их числу относились, например, представления о том, что человеческое тело состоит из соков и твердых частиц (земляных, железных, серных и пр.), рассуждения о принципах и порядке их взаимодействия ("смещения") друг с другом и пр. Затем, особенно в период бурного развития естествознания, медицина обогатилась собственными умозрительными гипотезами о принципах внутреннего устройства и функционирования человеческого организма — кислотно-щелочное равновесие, кахексия, стенические и астенические состояния, сочувствия, кразы крови и др. Эти гипотезы становились основами целых медицинских систем и учений, и именно с их помощью изучались ближайшие причины болезней. Мы не оговорились, именно изучались. "Настоящий путь к истинной Врачебной науке..." состоял в органичном соединении двух основополагающих путей познания мира — дедукции и индукции. "Наблюдение, не сопровождаемое умозрением, доставляет хаотическое содержание без порядка и без правил, — прямо указывал Ф. К. Гартман. — Умозрение одно само по себе начертывает только форму без содержания и, будучи в области возможного, не находит пути к действительному миру. Посему как то, так и другое в их разделности не приводит к истинному знанию и полезному действию... Точное изыскание в особенном должно быть сопряжено с философическим умозаключением из общего" [2, с. 11—12].

Как же негодовал по поводу такого "комплексного" подхода к научным исследованиям Р. Вирхов, справедливо полагавший, что дедуктивный метод познания неприменим к изучению проблем естествознания. "Предмет медицины — человеческое тело прямо вел медицину в область естественных наук, — писал его ученик А. Ферстер, — но ее первые, главные выводы сделали из нее умозрительную науку, и она тут же запуталась в своих основных воззрениях..." [13, с. 10—11].

Поэтому не удивительно, что существовало огромное множество гипотез в вопросе о том, что представляла собой ближайшая причина болезней. Так, например, сторонники гуморальной теории считали, что ближайшая причина болезней состоит в нарушении "варения" и "смещения" соков, солидаристы настаивали на разнообразных "повреждениях" твердых частиц и нарушении их взаимодействия с соками, приверженцы динамического учения Броуна — на возникновении под влиянием внешних и предрасполагающих причин либо стенического, либо астенического состояния. Если же исследователь не был последователем ни одного из учений, как, например, упоминавшийся выше К. Г. Нейман, то в его работах можно найти весь спектр возможных ближайших причин, включая появившуюся во второй половине XIX века кон-

цепцию о "повреждениях узловатой нервной системы".

Многочисленные "версии" о сущности ближайшей причины болезней объединяло лишь одно — все они носили умозрительный характер, были "выведены" в результате использования дедуктивного метода познания и описывали некий генерализованный процесс, затрагивавший либо весь организм, либо одну из его основных интегральных систем (кровеносную или нервную).

При этом, согласно представлениям врачей XVIII — первой половины XIX столетия, ближайшая причина, вызвав болезнь, продолжала действовать и даже могла оказаться страшнее и опаснее самой болезни. Более того, она имела свои собственные внешние клинические проявления, которые регистрировались врачами также в виде "припадков". В отличие от "припадков", которые были тождественны болезни и назывались "припадками болезни", эти "припадки" именовались "припадками причины болезни".

"Припадки причины суть такие явления, — писал, например, Г. В. Консбрух, — кои происходят от одной и той же причины, от которой произошла и самая болезнь, а посему они с болезнью, как случайные действия одной и той же причины, находятся в связи... Они могут происходить позже других припадков или они могут продолжаться и тогда, когда болезнь уже исчезла, и наоборот. Сии припадки опаснее самой болезни, сверх того руководствуют к узнанию причины и потому при распознавании и лечении болезней они весьма важны" [5, с. 31].

Подобные утверждения содержатся и в других учебниках по общей патологии того периода и позволяют утверждать, что врачи XVIII — первой половины XIX века были убеждены в том, что часть наблюдаемых у постелей больных клинических симптомов не являлась симптомами самой болезни, а представляла собой внешние проявления "выведенного" дедуктивным методом генерализованного "динамического" процесса — ближайшей причины болезни. Диагностировать этот процесс, который, как уже неоднократно отмечалось, и представлял собой в сознании врачей сущность болезни, можно было только на основании клинической симптоматики, и в первую очередь именно поэтому симптоматология не утратила своих позиций в патологии даже после широкого признания патологической анатомии и анатомического метода исследования. Именно поэтому сохранились и прежние принципы составления классификации болезней, и традиционные представления об общих болезнях, а цитировавшийся нами выше К. Г. Нейман прямо говорил о том, что все болезни "являются первично динамическими".

Именно поэтому даже самые последовательные сторонники патологической анатомии не только не пытались разрушить здание прежней патологии, но, напротив, искали пути объединения нового знания и старых верований. В этом плане наиболее ярким примером могут служить работы знаменитого профессора Венского университета К. Рокитанского, предпринявшего попытку с помощью секционного ножа, микроскопа и химических реактивов детально изучить не только известные болезни, но и их ближайшие причины.

К. Рокитанский внес значительный вклад в развитие патологической анатомии. Во-первых, им была впервые описана и изучена патологическая анатомия целого ряда заболеваний: спонтанного разрыва аорты, ущемления и сужения кишок, прободной язвы желудка, зоба щитовидной железы, новообразований грудной железы и др. Во-вторых, он осуществил беспрецедентную по своим масштабам ревизию накопленного к началу 40-х годов XIX века клинико-анатомического материала, в ходе которой выявил и исправил значительное количество неточностей и ошибок, допущенных его предшественниками. В результате в 1841—1846 гг. вышло в свет его знаменитое руководство по общей и частной патологической анатомии, в котором были впервые систематизированы и с исчерпывающей точностью описаны патоморфологические изменения в органах и тканях при всех без исключения заболеваниях, для которых к началу 40-х годов XIX века такие изменения были найдены. За этот труд Р. Вирхов назовет К. Рокитанского "Линнеем патологической анатомии". В-третьих, К. Рокитанский создал учение, в рамках которого не только провозглашался тезис о том, что "каждая болезнь в каждом своем периоде может быть предметом анатомического исследования...", и постулировалась принципиальная невозможность "существования динамических болезней", но и впервые был "определен" материальный субстрат ближайшей причины болезней. Этим субстратом К. Рокитанский и его последователи считали кровь, а ее всестороннее изучение стало наиболее актуальной задачей исследовательской деятельности в области патологической анатомии и теоретической медицины [9].

Учение К. Рокитанского получило широчайшее мировое признание и сыграло огромную роль в пропаганде как самой патологической анатомии, так и анатомического метода исследования. Однако, несмотря на все заявления К. Рокитанского о том, что в основе любой нарушенной функции, любого "припадка" лежат морфологические повреждения, его теория гуморальной патологии была выстроена в полном соответствии с классическими принципами онтологической медицины.

Так, согласно учению К. Рокитанского, в основе большинства болезней лежали различные нарушения состава крови — дискразии², а обнаруживаемые патоморфологические изменения представляли собой лишь результат так называемого сосредоточения этих дискразий в органах и тканях. "Сосредоточение" дискразий приводило к образованию вторичного патологического очага — "местной болезни", определявшего в свою очередь характер клинических проявлений данного заболевания.

В самом общем виде механизм формирования вторичных патологических очагов в ходе развития дискразий выглядел следующим образом. "Ненормальная краза (дискразия) есть первичное страдание, местная же болезнь есть сосредоточение оной (дискразии. — Авт.) — вторичное страдание, — говорится в знаменитом труде К. Рокитанского "Руководство к общей патологической анатомии". —

²К. Рокитанский выделял следующие кразы (дискразии): простая фибринозная, крупозная, туберкулезная, пиемия, тифозная, сыпная, канкрозная, серозная, гнилостная, септическая и др.

Место сосредоточения зависит, кроме внешних условий, от особенного отношения кразы к известным органам и тканям при содействии со стороны нервной системы; форма, при которой сосредоточивается краза, есть преимущественно гиперемия и застой — воспаление, совершенный (абсолютный) застой — выпотение или образование продукта внутри сосудистой системы, происходящее без помощи воспаления, например самопроизвольное свертывание измененного фибрина, образование гноя в сосудах, как больших, так и волосных, в каком-нибудь органе. Отношение различных краз к различным органам и тканям, даже к различным отделам одного и того же органа весьма различно: так, например, крупозно-фибринозные кразы весьма охотно сосредоточиваются на слизистой перепонке дыхательных путей и в самих легких, тифозная краза — на слизистой перепонке, особенно подвздошной кишки, сыпные кразы — на общих покровах и слизистых перепонках..." [9, с. 627—628]. "Сосредоточение" кразы могло привести к образованию не только вторичных патологических очагов деструктивного характера (некроз клеток, гнойное расплавление и др.), но и к образованию новых клеток и тканей (раковая опухоль и др.), если в процессе возникающей вслед за гиперемией и стазом экссудации плазмы происходило выделение "правильной бластемы". "Бластема для патологических новых произведений происходит из общей питающей жидкости — из плазмы крови..., — указывал К. Рокитанский. — Она просачивается сквозь стенки сосудов повсюду, где есть волосные сосуды, или является как внутреннее выделение из крови внутри сосудистой системы, или, в более редких случаях, как следствие экстравазации из разорванных сосудов... Первоначальная бластема, как жидкость, тотчас по своем выделении не имеет никакого определенного вида, но рано или поздно начинают в ней развиваться форменные элементы в виде молекулярных зернышек, зерен, ячеек... Одно из главнейших метаморфозов бластемы есть ее превращение в ткань; впрочем, она может остаться в своем первобытном незрелом состоянии и потом отживать и распадаться; она может также всосаться" [9, с. 167—168].

Как видно даже из приведенной цитаты, при всей умозрительности выстроенной К. Рокитанским теории возникновения патологических очагов, она включала значительный объем данных патоморфологических исследований и во многом благодаря этому создала иллюзию "примирения" анатомического метода и традиционных представлений онтологической медицины. "Именно Патологическая анатомия, — прямо указывал К. Рокитанский, — не только доказала существование болезней крови со всеми их подробностями, но и решила вопрос высокой важности: она доказала существование первичных аномалий в самой бластеме, страдание массы крови внутри сосудистой системы в воспалительном процессе, открыв в этом источник различия экссудатов (бластем), доказала зависимость местных болезненных процессов от прежде существовавшего страдания всей крови, — одним словом упрочила будущность гуморальной патологии" [9, с. 625]. И далее: "Критическая обработка патологической анатомии ведет путем физиологического исследования к высшему гуморализму: она находит причину бесчисленных измене-

ний плотных частей в соответственных неправильностях соков, а именно крови, и эти последние принимает в расчет во всех случаях, где нет изменений в плотных частях. Поэтому она старается сколько возможно подробнее изучить уклонения физических свойств кровяной массы и относительно дальнейших вопросов обращается к патологической химии. Таким образом, она перестала видеть в тифе простое воспаление желудочно-кишечное и проч." [9, с. 10].

Во многом благодаря созданной К. Рокитанским иллюзии многочисленные приверженцы гуморальной патологии К. Рокитанского уже не считали себя онтологами, хотя их собственная бесконечная вера в первичность дискразий по отношению к "местным патологическим очагам" родилась именно в недрах онтологической медицины. Они яростно критиковали врачей-онтологов, но сами полностью находились во власти сложившихся в рамках онтологической медицины коллективных представлений. Они называли "детством нашей науки" время, когда отдельные симптомы выделялись в качестве самостоятельных нозологических форм, и одновременно с этим продолжали выделять в качестве отдельных заболеваний, например, лихорадку или головную боль. Они осуждали врачей-онтологов за то, что они видели в болезни живое существо, но при этом даже не пытались отказаться от представлений о существовании "больной жизни", о ближайшей причине болезней, от использования в исследовательской деятельности дедуктивного метода познания.

На протяжении первой половины XIX века ближе всех к тому, чтобы преодолеть онтологические верования, был Ф. Бруссе, заявивший, что "нет болезней в чистом виде, есть только крик болящих воспаленных органов" [8, с. 291]. Весьма показательно, что в первую очередь именно за это положение он был подвергнут критике со стороны последователей гуморальной теории К. Рокитанско-

го. "Изучение анатомических изменений привело Бруссе и его последователей, — отмечал, в частности, профессор Московского университета И. В. Варвинский, — к ложному выводу, что в большей части болезненных процессов местные повреждения суть причины общих расстройств" [1, с. 106]. И именно за это положение он удостоится искренней похвалы со стороны Р. Вирхова — первого патолога, поставившего перед собой цель полностью разрушить здание прежней патологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варвинский И. В.* // Моск. врач. журн. — 1849. — Ч. 1. — С. 55—109.
2. *Гартман Ф. К.* Общая патология. — М., 1825.
3. *Гауб И. Д.* Начальные основания врачебной патологии, то есть науки о свойстве, причинах, припадках и различиях болезней, в человеческом теле случающихся. — СПб., 1792.
4. *Ибн Сина.* Канон врачебной науки. Кн. 1. — Ташкент, 1981.
5. *Консбрух Г. В.* Начальные основания патологии. — М., 1817.
6. *Людвиг Х. Г.* Патология или полезные наставления о существе, причинах, припадках и знаках болезней, в человеческом теле случающихся. — М., 1790.
7. *Нейман К. Г.* Частная патология и частная терапия. Ч. 1—3. — М., 1846—1849.
8. *Плетнев Д. Д.* Избранное. — М., 1989.
9. *Рокитанский К.* Руководство к общей патологической анатомии. — М., 1849.
10. *Сокольский Г. И.* // Носография и терапия Ю. Л. Шенлейна, составленная из лекций, преподаваемых им в Вюрцбурге, Цюрихе и Берлине. — М., 1841.
11. *Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н.* Патологическая анатомия в Московском университете в первой половине XIX века. — М., 1999.
12. *Сточик А. М., Пальцев М. А., Затравкин С. Н., Сточик А. А.* // Арх. пат. — 2006. — Вып. 3. — С. 37—42.
13. *Ферстер А.* Руководство патологической анатомии. — СПб., 1860.
14. *Bouilland J. V.* Traite des Fievres Lites essentielles. — Paris, 1826.

Поступила в редакцию 28.04.09